

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ ПОКОРЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

ДѢЙСТВІЯ И ЗАНЯТІЯ ВОЙСКЪ

СРЕДНЕ-ФАРСЬАГО ОТРЯДА

ДО СФОРМИРОВАНІЯ ПИШКСКАГО И ЭТОГО ПОСЛѢДНЯГО ДО НОЯВРЯ
1862 ГОДА.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.—Отряды Кубанской области въ началѣ 1862 года. — Средне-фарскій, впоследствии махашевскій, отрядъ. — Присоединеніе къ нему нижнеабдзахскаго отряда.—Ихъ работы на рѣкѣ Фарсѣ.—Движеніе ихъ въ составъ главнаго отряда.—Занятіе лѣваго берега Бѣлой. — Снесеніе на ней моста. — Мѣры, принятыя графомъ Евдокимовымъ, для обезпеченія продовольствія войскъ, оставшихся на лѣвомъ берегу.—Перестрѣлки 24-го и 27-го февраля. — Движеніе части отряда къ урочищу Куаго.—Роспускъ главнаго отряда.—Переселеніе ауловъ Бодотрдова.—Нападеніе на казаковъ 4-го марта.—Дѣло ашшеронцевъ при Башкѣ-Чха-Физепсѣ 2-го марта.

Статьи г. Духовскаго и г. Гейнса подали мнѣ мысль дополнить пробѣлы въ извѣстїяхъ пишкскаго отряда выдержками изъ моихъ записокъ и описать дѣйствія войскъ, его составлявшихъ, съ періода, предшествующаго его сформированію, до того времени, съ котораго начинается повѣствованіе г. Гейнса.

Недлиннымъ считаю считать предварительно нѣсколько словъ, чтобы оградить себя отъ возраженій на нѣкоторые предметы.

Въ моихъ запискахъ доищцены происшествія, въ которыхъ войска пишкскаго отряда не принимали, повидимому, участія, напримеръ дѣло ашшеронскаго стрѣлковаго баталіона въ Майкельскомъ ущельѣ. Но какъ это дѣло небудило графа Евдокимова немедленно приступить къ переселенію махашевцевъ и

егерухаевцевъ на Лабу, что было возложено на войска, вошедшія впоследствии въ составъ пшехскаго отряда, то происшествіе это, имѣвшее значеніе и въ отношеніи историческомъ, и по косвенной связи съ пшехскимъ отрядомъ, не могло быть опущено.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моихъ записокъ, слова: „горцы съ неистовствомъ бросались въ пашки“ или „открыли сильный огонь“, могутъ поселить въ иномъ читателѣ недовѣріе къ незначительной цифрѣ нашей потери. Такое сомнѣніе было бы несправедливо: я ничего не преувеличивалъ и не уменьшалъ, потому что дѣло объясняется просто: усилія горцевъ были всегда велики, но превосходство нашего оружія дѣлало ихъ усилія ничтожными. Это же превосходство оружія и организація нашихъ войскъ были причиною, что въ кавказской войнѣ самыя перестрѣлки перешли на второй планъ, а главное мѣсто въ завоеваніи Кавказа заняли настойчивость, съ которою выполнялись всѣ наступательныя движенія, и неутомимые труды войскъ, давшіе возможность приводить настойчивые планы въ исполненіе.

Повторяю: я пишу то, что видѣлъ, и принимаю на себя роль правдиваго рассказчика, готоваго, если понадобится, доказать написанное. Буду считать себя вполне вознагражденнымъ, если мой трудъ послужитъ матеріаломъ для историка покоренія западнаго Кавказа.

Въ 1862 году всѣ войска Кубанской области были соединены въ слѣдующіе отряды: со стороны бывшаго Черноморскаго казачьяго войска — адагумскій, генераль-маіора Бабича, константиновскій, полковника Левашева (нынѣ генераль-маіоръ), и шапсугскій, генераль-маіора Иванова; со стороны рѣки Бѣлой—нижне-абадзехскій, полковника Геймана, и верхне-абадзехскій, полковника Горшкова.

Занятія отрядовъ состояли въ расчисткѣ лѣсовъ, окружавшихъ мѣста ихъ расположенія, въ разработкѣ дорогъ и приготовленіи окоповъ для станицъ, которыя предполагалось заселить весной; поэтому, до 20-го февраля — дня сбора главнаго отряда — кромѣ незначительныхъ перестрѣлокъ и усиленныхъ работъ, дѣйствія отрядовъ не представляли ничего особенно интереснаго.

Кромѣ пяти упомянутыхъ отрядовъ, изъ частей войскъ, оставленныхъ для кордонной службы въ станицахъ и постахъ новой залабинской линіи, были составлены еще небольшіе отряды, которые, служа подвижными резервами, назначались для охраненія и окончательнаго устройства станицъ по рѣкамъ Псефиру и Фарсу. Имъ выпала на долю самая тяжелая роль — рабочихъ войскъ. Находясь во второй линіи, за мѣстомъ дѣйствія ниже и верхне-абадзехскихъ отрядовъ, они смѣло могли рассчитывать никогда не встрѣтиться съ горцами, а потому и составъ ихъ былъ согласованъ съ назначеніемъ: въ нихъ вошли баталіоны резервной дивизіи и кавказскіе линейные, люди которыхъ были вооружены, по преимуществу, гладкоствольными ружьями и большимъ запасомъ топоровъ и кирокъ.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ начальствомъ командира линейнаго № 6-го баталіона, полковника Офрейна (нынѣ генералъ-маіоръ), былъ расположенъ въ 13 верстахъ выше Нижне-Фарской станицы, недалеко отъ мирнаго аула Богарсука, и назначался для устройства ограды станицы Средне-Фарской. Упоминаю объ этомъ отрядѣ потому, что онъ почти вполне вошелъ въ составъ главнаго, а потомъ и ппехскаго отрядовъ; въ промежутокъ же времени между сборами этихъ отрядовъ, онъ былъ употребляемъ для производства военныхъ дѣйствій.

Отрядъ этотъ составилъ 31-го января (*) и до 12-го февраля занимался рубкою лѣса вверхъ по Фарсу, въ направленіи къ аулу Богарсука. Однообразныя занятія безъ тревогъ, утомленіе отъ тяжелыхъ работъ отзывались въ лагерѣ какою-то безжизненностію, такъ что прибытіе ниже-абадзехскаго отряда было истиннымъ праздникомъ. 12-го февраля, вечеромъ, на возвышенностяхъ праваго берега Фарса, показался отрядъ полковника Геймана. Онъ шелъ отъ верховій этой рѣки, изъ станицы Верхне-Фарской, съ цѣлію ускорить окончаніе работъ средне-фарскаго отряда (полковника Офрейна). Растянувшись по причинѣ глубокаго снѣга, баталіоны его съ шумомъ и пѣснями, постепенно спускаясь съ горы, занимали отведенныя имъ мѣста для лагеря по правому берегу рѣки. Нравственное состояніе

(*) Составъ отряда: 6-й линейный баталіонъ, 6-й резервный баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, 6-й резервный баталіонъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка, 6-й резервный баталіонъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, 4 орудія облегченной № 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады и одна сотня 12-го коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска.

этихъ двухъ отрядовъ явилась самую рѣзкую противоположность. Отрядъ полковника Геймана, составленный изъ отборныхъ, стрѣльцовыхъ баталіоновъ Терской области и Дагестана и ненатуренный тяжелыми работами, выказывалъ истинное боевое направленіе: удалыя пѣсни, веселый говоръ, мѣстами раздающіеся крики „ура!“, возвѣщавшіе о пирушкахъ, слышались по цѣлымъ днямъ; въ отрядѣ же полковника Офрейна, расположенномъ по лѣвому берегу Фарса, обнаруживалась вялость, возвращавшіеся съ работы солдаты съ завистію посматривали на своихъ товарищей другаго отряда и съ грустію помышляли о предстоящихъ безконечныхъ, тяжелыхъ работахъ.

Цѣль прихода ниже-абдзехскаго отряда была, какъ сказано, ускорить работы войскъ полковника Офрейна; но, по разнымъ причинамъ, она не была достигнута, такъ что часть работъ, назначенная войскамъ полковника Геймана, осталась неконченною и должна была производиться отрядомъ полковника Офрейна.

Къ началу февраля всѣ главныя работы на правомъ берегу Бѣлой приходили къ концу, и войска могли быть употреблены для дальнѣйшихъ операцій.

Линія, занятая войсками—правый берегъ Бѣлой—простиралась отъ верхнихъ частей рѣки до Бѣлорѣченскаго укрѣпленія и рѣзко отдѣляла верховье Лабы и степное пространство отъ гористыхъ мѣстъ лѣваго берега съ враждебнымъ населеніемъ. Горцы ждали нашего перехода на лѣвый берегъ, готовясь встрѣтить не совѣмъ дружелюбно. Надо было замаскировать настоящій пунктъ переправы. Для этого графъ Евдокимовъ велѣлъ всѣмъ войскамъ, 19-го февраля, сгруппироваться въ четыре отряда и расположиться въ укрѣпленіяхъ Бѣлорѣченскомъ, Майдонскомъ, у Ханскаго брода и въ станицѣ Кужорской. Въ составъ послѣдняго сбора входилъ и отрядъ полковника Офрейна, который выступилъ 20-го числа изъ Кужорской и, отдохнувъ около Майнопа, ночью вошелъ въ составъ такъ называемаго главнаго отряда.

Въ послѣдній разъ въ Кубанской области было собрано такое большое число войскъ на одномъ пунктѣ (*): 17 бата-

(*) Отрядъ этотъ составляли 1-й, 2-й, 3-й и 5-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка; 3-й и 5-й баталіоны Ставропольскаго пѣхотнаго полка; 19-й, 21-й и Кавказскій гребадерскій стрѣльцовые баталіоны; также стрѣльцовый баталіонъ Ширванскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка, 1-й и 3-й сводно-

линовъ пѣхоты, 10 эскадроновъ драгунъ, 12 сотенъ назановъ, при 12 пѣшихъ и 8 конныхъ орудіяхъ, вошли въ составъ его. Между тѣмъ какъ всё войско двигалось къ Ханскому броду, вечеромъ 20-го февраля была объявлена диспозиція графа Бьдонкова о предстоящей переправѣ черезъ Бѣлую.

Составъ отряда, преувеличенные слухи о большомъ числѣ и неприступности ауловъ по берегамъ Пшехи, наконецъ осторожность, проглядывавшая во всѣхъ распоряженіяхъ, заставляли думать, что утромъ мы будемъ имѣть дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ кавказскихъ перестрѣлокъ.

Предстоящіе труды нашего отряда, сколько было извѣстно, заключались въ разработкѣ дороги въ долину рѣки Пшехи и занятіи береговъ этой рѣки. Всколмленное пространство по лѣвому берегу Бѣлой, покрытое высокимъ, густымъ лѣсомъ, какъ будто подтверждало догадки, суля пѣхотѣ усиленную работу ружьями и топорами, а открытыя поляны по берегамъ Пшехи обѣщали кавалеріи возможность показать свою удалъ въ лихихъ схваткахъ. Вообще состояніе духа войскъ было очень хорошо: бивуакъ былъ веселъ и оживленъ; войска нижне-абдзехскаго и махошевскаго отрядовъ, вступая въ станицу Ханскую, несмотря на позднее время ночи, слышали еще веселый говоръ и смѣхъ своихъ товарищей, сидѣвшихъ у бивуачныхъ огней.

Собравшійся отрядъ ожидалъ утра, чтобы перейти рѣку. Возвышенный лѣвый берегъ Бѣлой насупротивъ станицы Ханской отходитъ отъ рѣки на версту, такъ что образуетъ полукруглую долину, длина которой не болѣе двухъ верстъ. Котловина эта, очищенная отъ лѣса еще осенью 1861 года, перерываемая ручьемъ Фене, вытекающимъ изъ Ханскаго ущелья и впадающимъ въ Бѣлую, почти по серединѣ. Возвышенный же берегъ покрытъ былъ густымъ лѣсомъ, который у балки Мышоно отходилъ отъ берега Бѣлой и потомъ у урочища

стрѣлковыя линейныя баталіоны, 13-й пѣхий казачій баталіонъ; резервные баталіоны полковъ: Дагестанскаго, Кубанскаго, Севастопольскаго и Ставропольскаго; 2 роты кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона; 6 эскадроновъ Тверскаго драгунскаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка; 4 эскадрона Нижегородскаго его королевскаго высочества принца Виртембергскаго полка; сотня денскаго № 30-го полка; сотня 1-й, двѣ сотни 3-й, двѣ сотни 5-й и три сотни 6-й бригады Кубанскаго войска; 4 орудія облегченной № 3-го, 4 орудія облегченной № 4-го, 2 орудія батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерійской бригады; 4 орудія конно-казачьей № 12-го и 4 орудія конно-казачьей № 13-го батареи Кубанскаго казачьего войска.

Буаго снова приближался къ самой рѣкѣ. Дорога на Пшеху тянулась среди этого лѣса, по высотѣ лѣваго берега.

21-го февраля, до зари, поднялись въ лагерѣ шумъ и говоръ. Пѣхота и артилерія, двигаясь по различнымъ направленіямъ, начали выходить за окопъ и составлять колонны согласно диспозиціи.

Первая колонна, подъ начальствомъ полковника Геймана (1), должна была перейти Бѣлую въ бродъ, верстахъ въ двухъ ниже станицы Ханской, противъ устья рѣченки Мышоко, и, занявъ правымъ своимъ флангомъ правую возвышенность озера Мышоко, развернуть фронтъ вдоль возвышеннаго лѣсостага берега тыломъ къ рѣкѣ.

Вторая колонна, полковника Горшкова (2), должна была, перейдя Бѣлую черезъ мостъ, находящійся на лѣвой оконечности станицы Ханской, занять лѣвымъ флангомъ лѣвую возвышенность Ханскаго ущелья и, развернувъ, какъ и предъидущая колонна, свой фронтъ въ лѣсу Хеалусъ, соединиться своимъ правымъ флангомъ съ лѣвымъ колонны полковника Геймана. Каждый баталіонъ этихъ двухъ колоннъ долженъ былъ занять свою позицію двумя ротами развернутымъ фронтомъ, имѣя другія двѣ роты въ томъ же строю во второй линіи.

Третьей колоннѣ, полковника Тимашева (3), куда вошелъ отрядъ полковника Офрейна, назначалось составлять резервъ для двухъ первыхъ колоннъ и расположиться въ долинѣ низменнаго берега по обѣимъ сторонамъ ручья Фене; кромѣ того, однимъ взводомъ пѣхоты занять правую возвышенность Ханскаго ущелья, а ротой—самое ущелье противъ минарета.

Кавалерія, исключая сотни донцовъ, вошедшей въ составъ колоннъ полковниковъ Геймана и Тимашева, и вся конная артилерія должны были оставаться въ станицѣ Ханской. Взводъ облегченной № 3-й батареи (съ легкими орудіями) назначался въ правую колонну, а взводъ облегченной № 4-й батареи — въ лѣвую.

(1) Шесть баталіоновъ пѣхоты, $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, при четырехъ пѣшихъ орудіяхъ.

(2) Восемь баталіоновъ пѣхоты и двѣ саперныя роты, при четырехъ пѣшихъ орудіяхъ.

(3) Два баталіона и три роты пѣхоты; полсотни донскихъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ. Къ этой же колоннѣ присоединились 4 орудія отъ предъидущихъ двухъ колоннъ, которыя, по причинѣ большой крутизны и глубокаго снѣга, не могли подняться на высоту вмѣстѣ съ пѣхотой.

Движеніе войскъ началось до разсвѣта, такъ что первый блескъ утренней зари засталъ всѣ окрестныя высоты уже занятыми колоннами полковниковъ Геймана и Горшкова, а колонну полковника Тимашева переходящею рѣку. Ни одного встрѣчнаго выстрѣла не было намъ послано со стороны горцевъ; войска первыхъ двухъ колоннъ безпрепятственно заняли указанныя имъ позиціи въ лѣсу и, оградивъ себя отъ нечаяннаго нападенія густою цѣпью, немедленно приступили къ рубкѣ. Въ то же время, войска третьей колонны занялись разработкою дороги въ котловинѣ и устройствомъ засѣки на правомъ берегу ручья Фене, при выходѣ его изъ Ханскаго ущелья. Сверхъ ожиданія, горцы, неказавшіе сопротивленія при занятіи лѣса, мало тревожили насъ и при производствѣ работъ. Всякому хотя сколько-нибудь знакомому съ образомъ войны горцевъ казалось страннымъ, что такую удобную для себя позицію, гдѣ путь оступленія ихъ обезпечивался густымъ лѣсомъ, они уступили безъ выстрѣла, и невольно рождалось предположеніе о вѣроятности нечаяннаго, ночнаго нападенія, которымъ непріятель вознаградитъ свое упущеніе. Потому первая бивуачная ночь, въ глубокомъ снѣгу и безъ палатокъ, прошла для первыхъ двухъ колоннъ довольно спокойно.

Къ вечеру 21-го февраля, когда кончалась рубка лѣса, горцы сдѣлали незначительную попытку. Видимая безпечность ихъ не усыпляла однако бдительности войскъ, готовыхъ встрѣтить врага; всѣ предчувствовали, что послѣ такого затишья гдѣ-нибудь разразится буря. И вотъ, около четырехъ часовъ, съ лѣвой стороны позиціи, раздался рѣзкій винтовочный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій... и заипѣла перестрѣлка. Горцы, пользуясь расположеніемъ нашихъ войскъ въ лѣсу, незамѣтно приблизились къ лѣвому флангу расположенія колонны полковника Горшкова, занятому 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, сдѣлали залпъ и ударили въ пашки, рассчитывая, вѣроятно, сбросить съ горы стрѣлковъ; но дружно принятый ударъ былъ опрокинутъ: не выдержали абадзехи даже перваго огня и скрылись въ лѣсу, поддерживая только рѣдкую перестрѣлку (*). По незначительности партіи и поспѣшности, съ какою горцы отказались отъ своего намѣренія, ясно было, что они хотѣли разузнать расположеніе нашихъ войскъ. Послѣ этой попытки, горцы оста-

(*) У насъ былъ раненъ одинъ рядовой. Журналъ военныхъ дѣйствій, при рапортѣ за № 486.

вили лагерь въ покоѣ до 24-го февраля, что было кстати, потому что неожиданное обстоятельство заставило все вниманіе наше обратить въ другую сторону.

Еще 20-го февраля началась сильная оттепель: глубокій снѣгъ быстро исчезалъ подъ нами, такъ что, ложась вечеромъ на походную постель, т. е. на мелкій хворостъ, покрытый войлокомъ или бурной, утромъ просыпались футомъ ниже, въ грязной водѣ. 23-го февраля оттепель усилилась, и грязные ручьи появились съ горъ въ котловину: тихій и почти безводный ручей Фене вышелъ изъ береговъ и разлился такъ, что части колонны полковника Тимашева, въ самое короткое время, были разобщены. Лагерь мгновенно оживился: всѣ засуетились и начали таскать свой походный скарбъ, помѣщая его на разныхъ возвышенностяхъ и на пняхъ срубленныхъ деревьевъ, въ надеждѣ спасти отъ похищенія ихъ быстрыми потоками. Нѣкоторые солдаты, не успѣвшіе принять подобной предосторожности, подшучивая сами и осыпаемые остротами своихъ товарищей, бродя по колѣно въ водѣ, ловили и конскую амуницію, и сѣдла, и свои котомки съ подмоченными сухарями, приговаривая: „благо, недолго придется ихъ теперь размачивать“. Но всѣ эти маленькія непріятности были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Шумъ льда по Бѣлой заставилъ невольно всѣхъ посмотреть на мостъ; со страхомъ ожидали мы что съ нимъ будетъ. Вода въ рѣкѣ быстро прибывала и черезъ нѣсколько минутъ совершенно покрыла ледорѣзы; еще усиленный напоръ льда—и крайніе два пролета, изломанные въ щепы, снесены въ рѣку, а вмѣстѣ съ ними сорваны нѣсколько несчастныхъ, не успѣвшихъ заблаговременно оставить мостъ (*). Случай при-

(*) Не могу при этомъ умолчать о случаѣ, который произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: одинъ изъ солдатъ, бывшихъ на крайнемъ пролетѣ моста, упалъ на большую льдину. Плыя на ней надъ на плоту, онъ нѣсколько разъ подвергался опасности: всѣ видали, какъ онъ отъ времени до времени до половины окунался въ воду вмѣстѣ со льдиной и снова появлялся на поверхности рѣки. Вѣроятно, участь его была бы не лучше другихъ несчастливцевъ, еслибъ на пути своемъ льдина не нашла на пень срубленного дерева, который стоялъ на берегу, но при разливѣ очутился среди глубокой воды. Не долго думая, солдатъ бросилъ свой ненадежный плотъ и какъ кошка вскарабкался на пень, несмотря на ружье, котораго онъ не хотѣлъ выпустить даже въ минуту опасности. Глаза всѣхъ невольно обратились на несчастнаго, ожидая съ минуты на минуту, что дерево, которое дрожало отъ напора льду, не выдержитъ и исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ; всѣ сочувствовали томительному ожиданію солдата, и большинство, вмѣстѣ съ нимъ, переживало тяжелыя минуты. Но счастье не совсѣмъ еще отвернулось отъ него: послѣ непродолжительнаго, яростаго опустошенія, вода начала спа-

велъ меня быть свидѣтелемъ послѣдняго акта катастрофы, которая лишила насъ продовольствія на нѣсколько сутокъ. Еще до снесенія моста я нашелъ на берегу строителя его, инженера, слѣдившаго съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ оторваннымъ брусомъ. Онъ, кажется, взвѣшивалъ въ своемъ умѣ всѣ обстоятельства pro и contra, могущія разрѣшить вопросъ: устоятъ ли мостъ, или нѣтъ; но по безпокойству его можно было предположить, что результатъ соображеній былъ крайне неутѣшительнъ, а частыя восклицанія: „и гдѣ же устоятъ противъ такого напора? кто могъ предвидѣть подобный разливъ?“ скоро подтвердились на дѣлѣ: вода поднялась въ уровень съ настилкою моста; ледъ массою наперъ на ея перила; ожидаемая минута настала... мостъ затрепалъ и черезъ минуту скрылся подо льдомъ.... Зрители могли видѣть лишь нѣсколько корней вывороченныхъ свай.

Всякая надежда на продолженіе нашего похода исчезла вмѣстѣ съ мостомъ. Имѣя съ собою, на основаніи распоряженія 20-го февраля, сухарей и фуража только на три дня, къ вечеру 23-го числа войска должны были остаться безъ того и другаго. Всѣхъ, конечно, занялъ теперь вопросъ: какимъ образомъ возстановится сообщеніе со станицей Ханской, гдѣ были всѣ запасы? Вопросъ этотъ разрѣшился часа черезъ два: какъ только затихъ шумъ отъ льда и можно было переговариваться черезъ рѣку, инженеръ путей сообщенія, полковникъ Югель, получилъ приказаніе графа Евдокимова немедленно приступить къ постройкѣ моста на козлахъ. Командующіе колоннами были тоже призваны къ берегу и, въ свою очередь, съ противоположнаго берега получили приказаніе доставить дѣсь и назначить необходимое число рабочихъ въ помощь саперамъ. Началась работа: по неимѣнію лошадей на лѣвомъ берегу Бѣлой, бревна пришлось таскать людьми, волокомъ, на разстояніи около двухъ верстъ. И раздались въ разныхъ мѣстахъ грустные напѣвы русскихъ чернорабочихъ: „а ну, съ Богомъ,

дать такъ же быстро, какъ прибывала, и вскорѣ солдатъ оказался на островку, окруженномъ осѣвшими льдинами. Онъ воспользовался этимъ, слѣзъ съ дерева и началъ ходить около него, разминая свои окоченѣлые члены. Переправить его съ острова не предвидѣлось скорей возможности, такъ какъ между нимъ и берегомъ образовался быстрый ручей, по которому несло ледъ. Пробывъ часа два между жизнью и смертью, молодецъ долженъ былъ еще выдержать строгій гарантъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока не былъ перевезенъ мимціонерами.

разъ!... еще, братцы, разъ!“ и вереницы людей потянулись съ этимъ напѣвомъ отъ лѣса къ мосту.

Пять дней продолжалась постройка моста. Солдаты работали неутомимо; имъ не нужны были понужденія и напоминанія: они сами понимали всю важность скорѣйшаго окончанія работы: лишенія, ими испытываемыя, были лучшимъ ободряющимъ средствомъ. За то какъ они и работали! Часто случалось, что, стоя по грудь въ холодной водѣ, они устанавливали козлы самымъ тщательнымъ образомъ, скрѣпляя ихъ внизу, и ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго ропота не вырывалось у полуокоченѣлыхъ рабочихъ; напротивъ: веселыя шуточки, остроты и рабочія пѣсенки „а ну, съ Богомъ, разъ!...“ слышались кругомъ.

Къ вечеру 24-го февраля, когда весь ледъ изъ рѣкъ Курджипса и Бѣлой прошелъ, возобновилось сообщеніе со станціей Ханской посредствомъ одного каюка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Евдокимовъ предписалъ войсковому старшинѣ Бауму тотчасъ же доставить на подводахъ лодки съ ниже-лабинской линіи. Были ли эти лодки подвезены, къ сожалѣнію, достовѣрно неизвѣстно; но на привезенныхъ двухъ каюкахъ былъ устроенъ плотъ, и сообщеніе поддерживалось каюкомъ и плотомъ. Но для того, чтобъ, воспользовавшись этими скудными средствами перевоза, кто-нибудь не вздумалъ стѣснять подвозку предметовъ первой необходимости, былъ отданъ приказъ: ничего не принимать для перевозки кромѣ сухарей, изъ опасенія оставить солдатъ безъ пищи. Офицерамъ же, налегкѣ выступившимъ изъ Ханской, разрѣшалось пересылать небольшіе узелки съ чаемъ, сахаромъ и табакомъ; стало быть, о пересылкѣ вьючныхъ кроватей и палатокъ нечего было и думать. Стѣно запретили принимать на лодки, такъ какъ перевозкою его замедлилась бы доставка провіанта. Артилерійскимъ лошадямъ приказано было усилить дачу овса еще двумя гарнцами; но это приказаніе хорошо было только для тѣхъ, у кого находился значительный запасъ овса; большая же часть артиллеристовъ, при переходѣ на лѣвую сторону Бѣлой, взяли только трехдневную пропорцію, да больше и положить было некуда, ибо запрещено было брать съ собою повозки. А чтобы лошади не отгрызали одна у другой хвостовъ и гривъ, какъ это бываетъ въ холодныя и голодныя ночи, ихъ „забав-

ляли“, по выраженію ѣздовыхъ, мелкимъ хворостомъ и сухими листьями, за сборомъ которыхъ посылались отдѣльныя команды.

Нужно было видѣть толпу, постоянно тѣснившуюся тогда на берегу Бѣлой. Съ причаломъ къ берегу лодки, всѣ бросались къ ней, и только ярлыкъ, привязанный къ кулю, возвѣщавшій, что сухари принадлежатъ такой-то ротѣ такого-то баталіона, спасалъ ихъ отъ растерзанія. Военная полиція, учрежденная на берегахъ, мало приносила пользы: члены полиціи сами были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, а потому, какъ и всегда, гдѣ рѣчь коснется интереса, злоупотребляли властью. Съ приведеніемъ моста въ такой видъ, что пѣшій кое-какъ могъ пробраться черезъ него, толкотня на берегу прекратилась, но за то повторилась на мосту, гдѣ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ надлежало употреблять самыя строгия мѣры за нарушеніе порядка.

Нѣтъ сомнѣнія, что горцы знали о нашемъ положеніи. Можно навѣрное предполагать, что съ окружающихъ горъ, гдѣ у нихъ постоянно содержались пикеты, они видѣли снесеніе моста, поставившее насъ въ такое грустное положеніе. Предположеніе это подтверждается еще тѣмъ, что горцы два раза пытались отбросить наши войска и оба раза не достигли цѣли.

Первая попытка ихъ была 24-го февраля, часовъ около двухъ пополудни, когда люди, кончивъ свои работы, расходились командами къ мѣстамъ своего расположенія. Зорко слѣдившіе за каждымъ шагомъ нашихъ войскъ, горцы скрытно подкрались за возвращавшимися съ работы къ опушкѣ лѣса и, сдѣлавъ залпъ въ тылъ стрѣлковой ротѣ пѣшаго казачьяго баталіона, бросились на нее въ пашки. Полковникъ Момбели повернулъ баталіонъ снова лицомъ къ непріятелю и штыками вогналъ горцевъ въ глубь лѣса. Прикрываясь густымъ лѣсомъ, они продолжали, впрочемъ, поддерживать самую оживленную перестрѣлку. По первому выстрѣлу все кинулось на тревогу. Взводъ облегченной № 4-й батареи, находившійся правѣ этого баталіона, подался изъ линіи общаго расположенія впередъ и открылъ огонь картечью; правѣ взвода раскинулась цѣпь донскихъ казаковъ; сводно-стрѣлковый № 3-й линейный баталіонъ съ учебной стрѣлковой командой Кубанскаго пѣхотнаго полка были посланы полковникомъ Гейманомъ въ лѣсъ, въ обходъ лѣваго фланга непріятеля; а 1-му сводно-стрѣлковому

баталіону онъ велѣлъ поддержать атаку 18-го пѣшаго казачьяго баталіона. Въ это же время, вверху по оврагу Мышоко, откуда начала показываться большая конная партія, былъ направленъ 19-й стрѣлковый баталіонъ, чтобъ остановить подошедшую горцамъ помощь. Дружный натискъ всѣхъ этихъ войскъ заставилъ непріятели отступать съ такою поспѣшностію, что онъ не успѣвалъ подбирать тѣла своихъ убитыхъ (*). Съ нашей стороны былъ раненъ, къ общему сожалѣнію всего отряда, командиръ пѣшаго казачьяго баталіона полковникъ Момбели и съ нимъ 17 рядовыхъ. Рама полковника была такъ значительна, что заставила его навсегда оставить службу.

Второе покушеніе горцевъ, обѣщавшее имъ, судя по началу, успѣхъ, было 27-го февраля; но они, какъ и всегда, не сумѣли воспользоваться моментомъ, дѣйствовали нерѣшительно, а потому и исходъ дѣла былъ для нихъ неутѣшительнъ.

Къ этому дню мѣсто расположенія войскъ полковника Горшкова было уже достаточно обезпечено отъ нечаяннаго нападенія довольно крѣпкими засѣками. Для прикрытія работъ 1-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка былъ назначенъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, къ правому флангу цѣпи котораго примыкала цѣпь полковника Геймана, состоявшая изъ 1-го сводно-стрѣлковаго линейнаго баталіона. Цѣпь кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона была выведена изъ засѣки, гдѣ первоначально была расположена ротными командирами и двинута въ лѣсъ, который оказался такъ густъ, что ничего нельзя было разсмотрѣть далѣе тридцати шаговъ. Съ утра все было тихо, но въ двѣнадцать часовъ дня партія горцевъ, болѣе тысячи человекъ, сдѣлавъ залпъ, съ истовымъ гиканьемъ бросилась въ шашки на 3-ю роту поручика Байкова. Бой былъ неравный. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ прапорщика Вѣлецкій, командовавшій цѣпью, былъ тяжело раненъ, и цѣпь, не слыша болѣе голоса своего начальника, стала поспѣшно отступать къ засѣтѣ. Замѣтивъ безпорядокъ и замѣцательство въ цѣпи, поручикъ Байковъ поспѣшилъ выйти изъ засѣки съ остальными людьми своей роты и кинуться на выручку, чѣмъ, на нѣкоторое время, успѣлъ ободрить цѣпь и возстановить въ ней порядокъ. Но время это было очень непродолжительно: распаленные преслѣдованіемъ и

(*) Репортъ полковника Геймана отъ 25-го февраля 1862 года, за № 168.

ободренные значительнымъ численнымъ превосходствомъ, горцы окружили рогу и бросились въ рукопашную. Байновъ отошелъ за засѣку. Тутъ снова горцы показали свою неспособность брать какое бы то ни было укрѣпленное мѣсто: въ описываемый моментъ они не посмѣли ворваться въ засѣку даже по слѣдамъ бѣгущихъ, а открыли бесполезную перестрѣлку. Еслибы они, ворвавшись въ засѣку, бросились на работавшіе батальоны, то, конечно, могли бы нанести намъ довольно чувствительную потерю; къ счастью, они этого не сдѣлали и дали время подойти войскамъ, посланнымъ полковникомъ Горинковымъ. Потѣсенные съ фронта, горцы начали поспѣшно ототупать въ лѣсъ, гдѣ, къ жемалому своему удивленію, наткнулись на войска, высланныя изъ лагеря, чтобъ ударить имъ во флангъ. Кубанскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Ивановъ мастерски выполнилъ это порученіе и преслѣдовалъ бѣгущихъ горцевъ съ такою настойчивостію, что они не успѣли даже взять своихъ лошадей, оставленныхъ въ лѣсу. Забравъ лошадей, подполковникъ Ивановъ прекратилъ преслѣдованіе и безпрепятственно возвратился въ лагерь. Въ этотъ день мы потеряли убитыми пять рядовыхъ и ранеными трехъ оберъ-офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ.

Перестрѣлка 27-го февраля была послѣднею изъ серьезныхъ до 8-го марта—дня роспуска главнаго отряда. Работы въ это время шли очень быстро: предполагая, что съ окончаніемъ ихъ мы пойдемъ на рѣку Пинску, люди не щадили своихъ трудовъ, и ко 2-му марта была готова просѣка болѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ шириною на всемъ протяженіи дороги, до урочища Куаго.

Постоянно получаемыя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что горцы собираются въ значительномъ числѣ съ дѣлю сдѣлать нападеніе, а если можно, то и ворваться въ лагерь, вынудили командующаго войсками предупредить замыслы противника, тѣмъ болѣе, что работы на позиціи были окончены. Съ этою цѣлю, 3-го марта, отрядъ полковника Геймана выгудилъ до разсвѣта, перешелъ перевалъ Мышанго и лѣсною тропой пробрался на гребень высоты, прилегающей обрывистой стороной къ рѣдкѣ Бѣлой, а другою, холмою, къ дорогѣ, ведущей къ низовьямъ рѣки Пински и долины рѣки Адае. Вдоль западной стороны гребня подполковникъ Мьянелъ и, переведя свои четыре батальона че-

резь оврагъ Мышкоко, повернулъ налѣво, съ тѣмъ, чтобы прикрыть движеніе третьей колонны, слѣдовававшей за нимъ черезъ оврагъ, подъ начальствомъ полковника Горшкова. На разсвѣтъ всѣ войска были у опушки лѣса: колонна полковника Геймана заняла позицію вправо отъ дороги на высотъ гребня; главная колонна расположилась по обѣ стороны дороги, а колонна подполковника Иванова лѣвѣ ея; 6-й же резервный баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, при двухъ орудіяхъ облегченной № 4-й батареи, былъ оставленъ у оврага Мышкоко, для того, чтобы сохранить связь съ войсками, оставшимися у Ханскаго брода, и разработать дорогу черезъ этотъ оврагъ.

3-го марта горцы вздумали потревожить наши работы; но одновременное наступленіе всѣхъ войскъ заставило ихъ отказаться отъ этого намѣренія.

5-го марта была произведена рекогноспировка мѣстности впереди расположенія отрядовъ, послѣ чего избрано направленіе просѣки къ рѣкѣ Аяко, выходящей въ открытую долину рѣки Пшехи.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть поскорѣ эту рѣку; но соображенія графа Евдокимова были далеко несогласны съ желаніемъ всего отряда. 7-го марта послѣдовало распоряженіе о переходѣ войскъ на правый берегъ Бѣлой, оставивъ на лѣвомъ небольшой гарнизонъ изъ резервнаго баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка и взвода облегченной № 4-й батареи въ засѣкѣ, устроенной на вершинѣ крутаго берега, чтобъ обезпечивать доступъ къ нему. Причина, почему движеніе на Пшеку было отложено, состояла, вѣроятно, въ томъ, что, лишившись обезпеченной переправы черезъ Бѣлую, при движеніи впередъ, можно было подвергнуть войска опасности остаться безъ провіанта и фуража. Сдѣланный на скорую руку мостъ на козлахъ былъ очень ненадеженъ на такой быстрой рѣкѣ, какъ Бѣлая. Это мы испытали въ 1857 и 1858 годахъ, при постройкѣ укрѣпленія Майкопъ и при движеніи въ Курджупское ущелье, гдѣ два точно такихъ же моста были снесены водою при первомъ половодіи. Половодія же, при быстрыхъ переměнахъ весенней погоды на Кавказѣ, можно было ожидать при первыхъ жаркихъ дняхъ или, вѣрнѣе, при быстромъ таяніи снѣговъ, равно какъ и при сильныхъ дождяхъ. Наконецъ, положительно было извѣстно, что причиною снесенія моста былъ ледъ, тронувшійся

изъ рѣкъ Курджупса и Бѣлой, отъ впаденія въ нее Курджупса; слѣдовательно, надо было ожидать еще вскрытія Фюнора, верховья Бѣлой, и другихъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ нее. Ко всему этому запасъ провіанта и фуража, заготовленный въ станицѣ Ханской, приходилъ уже къ концу, такъ что нѣсколько дней войска должны были принимать какъ то, такъ и другое въ станицѣ Бѣлорѣченской. Вѣроятно, по этимъ именно причинамъ, командующій войсками отложилъ наступательныя дѣйствія на Пшеху, предполагая начать ихъ по окончаніи постройки новаго постоянного моста. До того же времени графъ Евдокимовъ рѣшилъ заняться переселеніемъ махошевцевъ и егерухаевцевъ на Лабу и произвести движеніе вверхъ по Бѣлой, съ цѣлю занять даховское общество. Окончательнымъ результатомъ всѣхъ этихъ соображеній былъ приказъ графа Евдокимова, въ которомъ, отдавъ благодарность войскамъ за труды зимняго похода, онъ объявлялъ о началіи занятій лѣтнаго періода.

Обычная дѣятельность закипѣла повсюду: часть войскъ постоянно кишила около берега за работой моста, а другія занимались работами въ самой станицѣ. Въ паралель мирнымъ занятіямъ шли и военныя предпріятія. Такъ, 1-го марта, была послана колонна полковника Семенкина для переселенія на Лабу мирныхъ темиргоевцевъ изъ двухъ ауловъ князя Болотокова, находившихся на правомъ берегу Бѣлой и въ шести верстахъ ниже Ханскаго окопа, чтобы очистить мѣста для будущей Бѣлорѣченской станицы.

Расположившись около мирныхъ ауловъ, съ цѣлю избавить жителей ихъ отъ непріязненныхъ покушеній со стороны непокорныхъ горцевъ, занявшихъ противоположный берегъ, полковникъ Семенкинъ далъ время жителямъ приготовиться къ переселенію и 4-го марта отвелъ ихъ на указанное мѣсто. Трехдневное пребываніе этого отряда у темиргоевскихъ ауловъ прошло почти безъ столкновеній съ горцами, потому что перестрѣлки, во время водопоя, были крайне незначительны; въ томъ же случаѣ, когда начиналась болѣе частая пальба, достаточно было двухъ или трехъ картечныхъ выстрѣловъ, чтобы разогнать безпояиныхъ, собравшихся на лѣвомъ берегу для воспрепятствованія переселенію. Но видя, что намѣреніе относительно темиргоевцевъ осталось невыполненнымъ, горцы рѣшились не расходиться, чтобы, воспользовавшись первымъ удоб-

нымъ случаемъ, нанести намъ какой-нибудь вредъ. Случай представился очень скоро.

Войсковой старшина Баумъ, прибывшій въ главный отрядъ, по требованію командующаго войсками, съ частию сборной сотни, изъ станицъ Темиргоевской и Воздвиженской, и съ четырьмя ракетными станками, въ полдень 4-го марта отправился на габинскую линію. Идя по дорогѣ къ укрѣпленію Бѣлорѣченскому, онъ неожиданно увидѣлъ себя окруженнымъ большимъ числомъ горцевъ. Пробываться нечего было и думать; поэтому войсковой старшина Баумъ, сойдя съ дороги на пахаты, спѣшилъ тотчасъ же казаковъ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Окруженные со всѣхъ сторонъ и осыпаемые пулями, казаки усердно отвѣчали противнику, прикрываясь за своими лошадьми; замѣщая своихъ раненыхъ товарищей, они съ поразительною стойкостью отбивали постоянныя нападенія горцевъ. Видя безвыходность своего положенія и не предполагая, что ружейныя выстрѣлы будутъ услышаны въ Бѣлорѣченскомъ укрѣпленіи или у Ханскаго брода, войсковой старшина Баумъ рѣшился вызвать охотниковъ, черезъ которыхъ хотѣлъ дать знать о своемъ положеніи. Молодцы-казаки не заставили себя долго упрашивать: по первому вызову охотники явились; но горцы, окружившіе колонну со всѣхъ сторонъ, дѣлали невозможнымъ намѣреніе охотниковъ. Къ счастью, неожиданный случай явился казакамъ на выручку: четыре лошади, вѣроятно, дурно привязанныя, потому что всѣ онѣ были сбатованы въ кругъ спѣшившихся казаковъ, испугавшись шипѣнія ракетъ, оторвались и понеслись по направленію къ Келермесу. Горцы, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ, собравшіеся въ это время для совѣщанія, увидѣли легкую добычу и бросились въ разсыпную догонять лошадей. Этимъ моментомъ, когда вниманіе противника было отвлечено въ другую сторону, воспользовался поручикъ изъ горцевъ Эдикъ-Петисовъ и поскакалъ съ извѣстіемъ о нападеніи къ отряду полковника Семенкина.

Эдикъ-Петисову удалось выполнить взятое имъ на себя порученіе: вскорѣ по дорогѣ отъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія показалась колозна полковника Семенкина. Почти въ то же время перестрѣлку услышали и на Ханскомъ броду; крикнули: „тревога!“ и вся кавалерія понеслась на выручку атакованныхъ казаковъ. Она поспѣла вовремя: горцы, видя безуспѣшность атакъ частями своихъ силъ, рѣшились соединиться въ одну

массу и раздавить храбрцовъ. Если бы эта попытка имъ и не удалась, то, во всякомъ случаѣ, стоила бы слишкомъ дорого казакамъ. Но вотъ показалась наша кавалерія, и горцы, оставивъ казаковъ, быстро скрылись за Бѣлую. Такъ разлетѣлась грозная туча, готовая разразиться на горсть казаковъ. Войсковой старшина Баумъ въ рапортѣ своемъ говоритъ, что онъ много обязанъ ракетамъ, которыя способствовали отраженію атакъ горцевъ, разсѣвая кавалерію. Въ перестрѣлкѣ этой ранено 10 казаковъ.

По переходѣ нѣкоторыхъ войскъ въ окопъ станицы Ханской—то есть 4-го марта—разнесся слухъ о другомъ славномъ дѣлѣ, выдержанномъ съ честію стрѣлковымъ баталіономъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, на такъ называемой Семиколѣнной горѣ, въ Майкопскомъ ущельѣ.

2-го марта апшеронскій стрѣлковый баталіонъ и сотня кубанскихъ казаковъ сопровождали колонну, съ жизненными припасами, съ поста Топогуабль къ ущелью Фюнтѳа. Горцы, собравшись въ значительномъ числѣ, зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ колонны и, пропустивъ безпрепятственно на постъ Фюнтѳскій, занялись порчею дороги и уничтоженіемъ мостовъ по всему пути, по которому долженъ былъ возвращаться баталіонъ. Пользуясь гористою и лѣсною мѣстностію, они заняли всѣ высоты около дороги, съ которыхъ могли на выборъ, и почти безнаказанно, поражать людей, идущихъ по дорогѣ.

Между тѣмъ, маіоръ Шаманскій, прибывъ на Фюнтѳскій постъ, сдалъ привезенные имъ продукты. Предувѣдомленный о томъ, что дорога испорчена и что горцевъ собралось болѣе двухъ тысячъ человекъ, съ цѣлію воспрепятствовать его движенію, онъ далъ двухчасовой отдыхъ людямъ и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: велѣлъ оставить назначенное въ колонну орудіе, а колесный обозъ замѣнить вьючнымъ, и затѣмъ двинулся въ обратный путь. Отойдя версги четыре, онъ увидѣлъ, что балка, образуемая рѣкою Чха-Физепсъ, а также примыкающія къ ней высоты, дѣйствительно, были заняты густыми массами горцевъ. Не желая отступить передъ непріателемъ, котораго солдаты наши привыкли побѣждать, маіоръ Шаманскій рѣшился пробиться и для этого употребилъ слѣдующій маневръ: подойдя къ р. Чха-Физепсъ и осмотрѣвъ мѣстность, онъ избралъ главную массу горцевъ, стоявшихъ за завалами. по дорогѣ, поднимавшейся извилинами на гору, пунктомъ своей

атаки; а чтобы хотя немного отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого пункта, послалъ одну роту и полсотни казаковъ къ р. Бѣлой, будто бы поискать бродъ. Хитрость эта удалась. Обманутые горцы частію успѣли перейти на лѣвый берегъ рѣки, чтобы воспрепятствовать переправѣ. Ослабивъ, такимъ образомъ, главное скопище, маіоръ Шаманскій, съ тремя ротами, бросился на главную массу непріятеля и началъ выбивать ее штыками изъ заваловъ; затѣмъ, занявъ возвышенность, отозвалъ роту, посланную къ берегу Бѣлой.

Очищая каждый шагъ штыками, храбрые апшеронцы медленно подвигались впередъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріателемъ. Быстро ослабѣвали ряды храбрецовъ какъ отъ большаго числа убитыхъ и раненыхъ, такъ и отъ отдѣляемаго для нихъ количества носильщиковъ. Помощь баталіону не приходила ни откуда. Ружейная пальба не была слышна съ Майкопъ, а завѣдывающій войсками укрѣпленія, по полученному извѣстію отъ лазутчиковъ хотя и выступилъ съ поддержаніемъ, но прибылъ къ апшеронцамъ тогда, когда маіоръ Шаманскій, дорого купивъ славную побѣду, шелъ ему на встрѣчу.

Командовавшей войсками въ станицѣ Верхне-Фарской, которому въ этотъ день графъ Евдокимовъ, извѣщая объ ожидаемомъ нападеніи, предписалъ прибыть къ Топъ-Гуабскому посту и принять мѣры осторожности, могъ быть на означенномъ пунктѣ только 3-го марта вечеромъ.

Къ сожалѣнію, геройское отступленіе апшеронцевъ стоило дорого: они потеряли убитыми оберъ-офицера одного (*) и нижнихъ чиновъ 21; ранеными оберъ-офицеровъ 7 (**) и нижнихъ чиновъ 87.

Тяжело было первое впечатлѣніе, когда мы, по предварительнымъ слухамъ, узнали объ этомъ дѣлѣ, но радостно привѣтствовали мы результатъ его. Когда командующій войсками благодарилъ уцѣлѣвшихъ героевъ баталіона, всѣ мы съ отряднымъ чувствомъ смотрѣли на славные ряды апшеронцевъ, и не одинъ изъ насъ позавидовалъ молодцамъ.

(*) Капитана Яковлева.

(**) Капитановъ Попова, Азотова; поручиковъ Янискаго, Азякина; подпоручиковъ Кудрявцова, Мионковича, Кушнарера и припоручика Губари.

II.

Махашевскій отрядъ.—Истребленіе махашевскихъ ауловъ.—Нападеніе на конвой подполковника Едюкимова.—Сформированіе охотничей команды.—Перестрѣлка подъ станицею Нижне-Фарскою 19-го апрѣля.—Формированіе даховскаго отряда.—Движеніе генералъ-маіора Тихоцаго въ Курджуское ущелье.

Время для наступательныхъ дѣйствій, какъ я уже замѣтилъ, еще не наступало, а между тѣмъ начался періодъ лѣтнихъ работъ, для которыхъ всѣ войска были раздѣлены на отряды. Первымъ важнымъ назначеніемъ ихъ было переселеніе махашевцевъ и егерухаевцевъ на р. Лабу.

Дѣйствія всѣхъ отрядовъ, назначавшихся для этого, были почти одиноковы, а потому я возьму одинъ изъ нихъ — полковника Офрейна, и постараюсь показать движенія и занятія его до вторичнаго сбора большаго отряда въ станицѣ Ханской, подъ названіемъ шехскаго. Дѣйствія другихъ отрядовъ имѣли въ основаніи ту же цѣль и, руководствуясь однѣми и тѣми же инструкціями, одинаковымъ путемъ стремились къ достиженію определенной цѣли, такъ что съ небольшими отбѣнками походили на дѣйствія махашевскаго отряда. Разница состояла въ томъ, что другіе отряды, дѣйствуя на передовой линіи, развлекались болѣе частыми перестрѣлками.

Еще въ началѣ февраля, во время рубки лѣса, отъ мѣста, назначеннаго для станицы Махашевской къ аулу Богарсука, жители какъ этого аула, такъ и другихъ, изъявившіе покорность, были поражены извѣстіемъ объ ожидающей ихъ грозѣ, именно о предстоящемъ весною переселеніи на Лабу. Застигнутые врасплохъ, они начали поговаривать о томъ, что переселеніе назначено рано, что по переходѣ на Лабу семейства ихъ въ самую дурную погоду должны остаться безъ крова, что у нихъ на настоящемъ мѣстѣ жительства заготовлено много корма для скота, и, подъ разными основательными и неосновательными предлогами, старались оттягивать время. Принимая во вниманіе уважительныя причины, выставленныя депутатами этихъ ауловъ, графъ Едюкимовъ отсрочилъ время переселенія до поздней весны. Но тогда уже почти безошибочно можно было сказать, что горцы и не думали переселяться на Лабу. Воспользовавшись отсрочкой, они старались поскорѣе сбыть свое имущество и продавали его за безцѣнокъ, такъ что когда махашевскій отрядъ прибылъ вторично

къ ауламъ, чтобъ побудить начать переселеніе, то оно было уже окончено. Ни одного семейства не застали въ аулахъ: всѣ перешли къ непокорнымъ горцамъ; лишь нѣсколько джигитовъ оставались близъ своихъ ауловъ, съ цѣлю слѣдить за движеніями нашихъ отрядовъ и даже зажигать аулы при нашемъ приближеніи.

Махошевскій отрядъ четыре раза предпринималъ поиски по рѣкамъ: Діако, Пшихако, Кхатль, Замуко и Фарсу, въ надеждѣ захватить гдѣ-нибудь жителей, еще не успѣвшихъ выселиться; но все напрасно. Въ первый разъ это было 10-го марта. Выступивъ изъ станицы Нижне-Фарской и пройдя верстъ тринадцать вверхъ по Фарсу, полковникъ Офрейнъ расположился на прежнемъ мѣстѣ своей стоянки и, оставивъ здѣсь обозъ, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ со взводомъ облегченной № 3-й батареи, двинулся, по приготовленной зимою просѣлкѣ, къ аулу Богарсука. Аулъ былъ пустъ. Нѣсколько всадниковъ, при приближеніи нашемъ, выѣхали изъ аула и, остановившись недалеко, въ лѣсу, слѣдили, вѣроятно, за направлениемъ, которое приметъ отрядъ. Полковникъ Офрейнъ, остановивъ отрядъ, приказалъ сжечь аулъ. Солдаты только и желали этого приказанія: аулъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, а черезъ нѣсколько времени, съ разныхъ концовъ, начали показываться солдаты, навьюченные вещами изъ брошеннаго имущества горцевъ. Казалось, каждый изъ нихъ считалъ непремѣнною обязанностію взять хотя что-нибудь *татарское*. Иной разъ, при истребленіи ауловъ, можно было увидѣть солдата, который, согнувшись подъ тяжестію горской кровати и не смотря на трудность и дальность перехода, употреблялъ всѣ усилія, чтобы не разстаться съ нею. Не для того ли трудился столько солдатъ, чтобы съ нѣкоторымъ наслажденіемъ полежать на кровати, хоть одну ночь? Нѣтъ! онъ, дѣйствительно, мечталъ понѣжиться, да только не на кровати, а около костра, которому и приносилась въ жертву тяжелая ноша. Другой, смотришь, сгибается подъ большимъ корытомъ, а ради какой цѣли? Совсе не съ тѣмъ, чтобы на первомъ же бивуакѣ помыть свое бѣлье, а просто бросить корыто въ бивуачный огонь. Любимою же добычею солдатъ бывали куры, котята и щенки. Первые тотчасъ же распродавались офицерамъ, а остальные входили въ составъ ротнаго хозяйства: котята размѣщались по землянкамъ при складахъ, а

собаки становились походными товарищами и всё поступали на довольствіе отъ артели. На этихъ животныхъ кавказскій солдатъ какъ бы сосредоточивалъ всю свою привязанность: за лѣвдомъ и ужиномъ онъ никогда не забывалъ отдѣлить въ ямку, вырытую недалеко отъ артельного котла, порцію для собакъ. Бросить въ огонь горящей сакли щенка или котенка считалось большимъ грѣхомъ, и молодой солдатъ, сдѣлавшій это по незнанію, непременно заслуживалъ укоръ отъ стараго служаки: „за что губить Божію тварь? чѣмъ она повинна? ты лучше возьми да покорми“. Сердобольные солдаты набирали въ ротъ иногда до 50 собакъ, и повременамъ приходилось наряжать особыя команды для избіенія ихъ, такъ какъ псы своимъ лаемъ обнаруживали наши ночныя движенія. Нѣкоторые объясняютъ привязанность солдатъ къ собакамъ тѣмъ, что, во время ночныхъ часовъ, когда работавшій цѣлый день солдатъ можетъ задремать, собаки облегчаютъ его службу, предупреждая лаемъ о чьемъ-либо приближеніи. Быть можетъ, это и правда; но мнѣ кажется, что главная тому причина — потребность излить хотя на комъ-нибудь свою привязанность. Оторванный отъ своего семейства на продолжительный срокъ, солдатъ старался даже забывать о немъ, потому что воспоминанія наводили на него безотрадныя мысли.

Истребленіе махашевскихъ ауловъ продолжалось до 15-го марта. При приближеніи къ нимъ, мы не встрѣчали горцевъ, а если и видѣли ихъ, то всегда въ такомъ маломъ числѣ и на такомъ большомъ разстояніи, что не обращали на нихъ вниманія. За то горцы старались вредить намъ при проходѣ лѣсомъ. Раздастся, бывало, залпъ изъ чащи, и два-три раненыхъ навѣрное есть. Больше всѣхъ въ нашемъ отрядѣ страдалъ 19-й стрѣлковый баталіонъ, находившійся постоянно впереди. Мы потеряли въ этихъ поискахъ убитыми 2 и ранеными 12 человекъ, тогда какъ у горцевъ цифра всей убиты, вѣроятно, не превышала 2 или 3 человекъ.

Окончивъ переселеніе махашевцевъ или, лучше сказать, истребленіе ихъ жилищъ, отрядъ полковника Офрейна приступилъ къ устройству ограды для будущей Махашевской станицы. Дѣлать земляной окопъ, при песчаномъ, сыпучемъ грунтѣ, потребовалось бы слишкомъ много времени и большихъ трудовъ; потому прибѣгли къ другому способу кавказскихъ

укрѣпленій—къ устройству пластинной (*) ограда, сомкнутой по угламъ земляными бастіонами для орудій. Работа эта, хотя тоже довольно трудная, потому что люди должны были таскать изъ балокъ столбы и плахи на своихъ плечахъ, шла однако довольно быстро: къ 20-му апрѣля она была совершенно окончена, и прибывшимъ къ этому числу переселенцамъ немедленно были отведены участки.

Во все время стоянки отряда на рѣкѣ Фарсѣ горцы одинъ только разъ рѣшились побезпокоить насъ, именно въ первый день Святой недѣли, 8-го апрѣля.

Командиръ 1-го сводно-стрѣлковаго линейнаго баталіона, подполковникъ Евдокимовъ, давъ людямъ разговѣться, взявъ съ собою 50 человекъ стрѣлковъ, выступилъ изъ лагеря около девяти часовъ утра и направился въ станицу Нижне-Фарскую.

Дорога между лагеремъ и станицей Нижне-Фарской, на протяженіи какихъ-нибудь 13 верстъ, перерѣзывалась тремя лѣсистыми балками, почти въ одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Съ лѣвой стороны дороги на всемъ протяженіи ея тянулся густой лѣсъ, въ которомъ и терялись эти балки. Въ третьей балкѣ, за срубленнымъ лѣсомъ, горцы устроили засаду. Не успѣла команда, бывшая съ подполковникомъ Евдокимовымъ, спуститься въ балку, какъ горцы сдѣлали по ней залпъ и бросились въ шашки. Подполковникъ Евдокимовъ, видя, что ему нельзя будетъ долго держаться въ балкѣ и что вся команда его можетъ быть безнаказанно перебита, рѣшился отдать имъ на расхищеніе свой фургоны съ вещами, а самъ, захвативъ раненыхъ, успѣшилъ выбраться изъ балки и засѣсть за могильными камнями татарскаго кладбища, стоявшаго на окраинѣ. Только это и спасло команду. Занявшись грабежемъ имущества полковника Евдокимова, горцы упустили самый удобный случай нанести пораженіе командѣ, именно тотъ моментъ, когда стрѣлки выбирались изъ крутой балки; когда же хищники опомнились, было уже поздно. Несмотря на значительное превосходство въ числѣ (**), они не рѣшились атаковать кладбища, потому что каждая попытка ихъ выбить стрѣлковъ изъ-за нами встрѣчалась мѣткимъ огнемъ.

Между тѣмъ, ружейная перестрѣлка была услышана въ ла-

(*) Въ пазы, сдѣланные въ стойкахъ, вкладываются одна на другую плахи.

(**) Горцевъ было, по свѣдѣніямъ, полученнымъ впоследствии отъ лазутчиковъ, около 200 человекъ.

герѣ, и подполковникъ Фомъ, оставшіеся, за отсутствіемъ полковника Офрейна, командующимъ отрядомъ, не имѣя въ лагерѣ кавалеріи (*), послалъ немедленно два баталіона, направивъ 1-й сводно-стрѣлковый баталіонъ по дорогѣ, а 3-й сводно-стрѣлковый баталіонъ въ гѣсъ, чтобы отрѣзать горцамъ отступление. Къ сожалѣнію, маневръ этотъ не удался. Услышавъ орудійный выстрѣлъ, сдѣланный въ станицѣ Нижне-Фарской (выстрѣлъ не имѣлъ, впрочемъ, ни малѣйшаго отношенія къ этому дѣлу), горцы предположили, что нападеніе ихъ извѣстно въ станицѣ, и, зная, что тамъ достаточное количество кавалеріи, оставили горсть оборонявшихся стрѣлковъ и скрылись въ гѣсъ раньше того времени, когда 3-й стрѣлковый баталіонъ успѣлъ зайти имъ въ тылъ. Команда изъ сорока человекъ (**), около получаса отбивалась отъ непріятеля въ пять разъ сильнѣйшаго.

Какъ бы то ни было, но попытка горцевъ заставила насъ считать себя не совсемъ безопасными отъ подобныхъ случайностей и быть осторожнѣе на будущее время.

Кавказскій солдатъ, окруженный постоянно опасностями, становился чрезвычайно безпечнымъ, и слабость, свойственная вообще русскому человѣку, дѣлать все на *авось*, у него проявлялась на каждомъ шагѣ: не успѣвали, бывало, войска раскинуть бивуаки, въ какомъ бы опасномъ мѣстѣ ни было, какъ черезъ полчаса можно было замѣтить нѣсколько командъ, отправляющихся на поиски подъ разными, повидимому, уважительными предлогами. Горцы пользовались подобнымъ случаемъ и если не имѣли возможности вредить намъ, когда мы бывали въ массѣ, то старались навестать при оплошности нашихъ солдатъ, отдѣлявшихся отъ массы, вслѣдствіе чего и бывало довольно несчастныхъ случаевъ.

Въ періодъ, описываемый мною, когда разореніе горскихъ ауловъ увеличило число бездомныхъ скитальцевъ, несчастные случаи стали повторяться слишкомъ часто, что навело на мысль командующаго войсками сформировать охотничью роту изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и подчинить ее старшему офицеру. Назначеніе ея было бродить мелкими командами по

(*) Полсотни донцовъ, числившихся въ отрядѣ, были взяты полковникомъ Офрейномъ въ станицу Нижне-Фарскую.

(**) До отступления къ кладбищу команда потеряла: ранеными четырехъ рядовыхъ, убитыми четырехъ рядовыхъ и взятыми въ плѣнъ одного.

лѣсамъ, отъ станицы Царской до укрѣпленія Майкопа, и предупреждать хищническіе набѣги горцевъ.

19-го апрѣля, на разсвѣтѣ, въ станицѣ Нижне-Фарской, сотня, бывшая въ резервѣ, начала фуражировать въ виду станицы. Не успѣла сотня спѣшиться и начать косить, какъ увидѣла скачущую къ ней небольшую партію горцевъ, преслѣдуемую казаками съ поста Джамуковскаго. Партія эта была открыта разѣздомъ съ поста въ балкѣ, недалеко отъ станицы Нижне-Фарской, и, вовремя поддержанный постовыми казаками, разѣздъ погнался за нею.

Лишь только эта партія скрылась въ лѣсу правѣе фуражировавшихъ казаковъ, какъ послѣдніе были вновь обружены появившеюся изъ лѣса партіею, болѣе двухсотъ человекъ, и были огрѣзаны отъ своихъ коноводовъ. Захваченные врасплохъ, казаки могли быть уничтожены, если бы, къ счастью ихъ, не находился въ станицѣ 1-й дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка, долженствовавшій выступить въ этотъ же день въ Майкопъ. Услышавъ выстрѣлы, дикіе нижегородцы, на несѣдланыхъ лошадяхъ, а нѣкоторые даже въ одномъ бѣльѣ, понеслись на мѣсто происшествія. Командиръ дивизиона, полковникъ Макаровъ, немедленно спѣшилъ одинъ эскадронъ и съ горстью людей ударилъ въ штыки. Горцы подались немного къ лѣсу и, отступая, навели нижегородцевъ и казаковъ на приготовленную въ лѣсу засаду изъ 250 человекъ. Началась рукопашная схватка, окончившаяся съ появленіемъ командира 2-го эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка, маіора Умарова, который съ нѣсколькими молодцами бросился на горцевъ съ фланга. Горцы отступили, успѣвъ однако захватить тѣло убитаго урядника. Оставить въ рукахъ непріятеля какіе-нибудь трофеи кавказцы считали дѣломъ постыднымъ, и потому маіоръ Умаровъ не остановилъ своего преслѣдованія у опушки, а ворвался вслѣдъ за отступавшими въ лѣсъ и черезъ нѣсколько минутъ вывезъ тѣло урядника.

Въ это время изъ станицы Кужорской прибылъ подполковникъ Фроловъ съ двумя сотнями и эскадронъ драгунъ. Перестрѣлка стояла намъ убитыми двухъ нижнихъ чиновъ, ранеными одного оберъ-офицера и двадцати-пяти нижнихъ чиновъ.

20-го апрѣля махошевскій отрядъ немного оживился: мимо его проходили войска, назначенныя въ составъ вновь сформировавшагося даховскаго отряда. Въ станицѣ Махошевской они

должны были дожидаться прїѣзда командующаго войсками, за Лабю расположенными, генераль-маіора Тихоцкаго, и здѣсь же долженъ былъ послѣдовать сборъ тѣхъ частей, которыя присоединились къ верхне-абадзехскому отряду, цѣликомъ вошедшему въ составъ даховскаго отряда.

Ничто, кажется, не утомляло такъ нашего солдата, какъ однообразныя работы, несопровождавшіяся перестрѣлками. Сколько разъ приходилось замѣчать, что съ назначеніемъ какихъ-либо частей на долгія работы солдаты какъ бы теряли свою энергію: они дѣлались машинами, буквально выполнявшими заданныя имъ уроки. Въ ихъ лагерьѣ не услышишь, бывало, ни пѣсенъ, ни веселаго разсказа у костра; рѣдко когда у какого-нибудь балагура сорвется съ языка острота, да и та отзывается сатирою, вызванною невеселымъ положеніемъ. Напротивъ, при движеніяхъ никакая погода не удерживала кавказскаго солдата отъ веселья. Пройдутъ версты тридцать съ перестрѣлкой, займутъ мѣсто для ночлега, не успѣютъ еще раскинуть офицерскихъ палатокъ, всегда появлявшихся раньше солдатскихъ, какъ уже вездѣ пылали костры, и пѣсенники, не умолкая, заливались въ дружныхъ хорахъ. Только вечерняя зоря давала сигналъ къ замѣнѣ пѣсенъ теплою молитвою, каждый вечеръ поющею на Кавказѣ, молитвою *Отче нашъ*. Смолкнетъ, бывало, и вечерняя молитва, а смѣхъ и говоръ около костровъ слышатся далеко за полночь. У одного костра весельчакъ передаетъ подмѣченное имъ что-нибудь смѣшное въ сегодняшней перестрѣлкѣ; у другаго старый ветеранъ разсказываетъ, какъ джигить, не замѣчая его и Миронова, сидящихъ за деревьями, несся на цѣпь, но, встрѣченный неожиданными выстрѣлами, хотѣлъ повернуть коня, да видно раненый конь далъ козла, и всадникъ, слетѣвъ на землю, бросился бѣжать въ кусты. „Да и бѣжить же, проклятый, братцы мои, точно заяцъ: такъ черезъ поваленныя деревья и прыгаетъ. Я кричу Савельеву: стрѣлай, а онъ ну къ нему по лѣсу бѣжать—вишь, на коня поозарился.... изловить хотѣлъ. Насилу, братцы мои, вернулся назадъ.“—„А кабы не ворочалъ, такъ поймалъ бы коня: вѣдь онъ былъ подстрѣленъ“, возражаетъ молодой солдатъ, нежелавшій согласиться въ своемъ промахѣ.—„Лѣшаго бы поймалъ! Небось, самъ бы тамъ остался! Ты думаешь, онъ былъ одинъ? (Говоря о горцахъ, солдаты преимущественно употребляли мѣстоимѣніе третьяго лица.) Какъ бы не такъ! такъ онъ тебѣ одинъ и пойдетъ! У

него не двѣ головы. Почитай, въ кустахъ мѣ было пропасть: такъ бы тебѣ и былъ тамъ капуть!... Думалъ съ дѣвками на селѣ въ горѣлки играть.... тоже — бѣжить....“ оканчиваетъ ворчливо свой разговоръ старый солдатъ, недовольный возраженіемъ. И всѣ эти разговоры сопровождались такими комическими и оживленными тѣлодвиженіями, что невольно заставляли хохотать слушателей. Среди этихъ-то позднихъ бесѣдъ солдатъ и отдыхалъ нравственно. На другое утро онъ просыпался бодрымъ и снова способнымъ отмахать нѣсколько десятковъ верстъ, принеся къ вечернему костру новый запасъ рассказовъ.

Не удивительно, что болѣе чѣмъ двухмѣсячныя работы махшевскаго отряда заставили всѣхъ людей мысленно рваться туда, гдѣ предстояли перестрѣлки. „Всего не передѣлаешь— говорили многіе—потюпали топорами, ну, и будетъ съ насъ. Теперь пусть другіе потюпаютъ.“ Но желанія махшевскаго отряда не сбылись. Даховскій отрядъ ушелъ, не зацѣпивъ съ собою ни одной части изъ махшевскаго. Послѣднихъ утѣшали слухи о сформированіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ, пехскаго отряда, въ который должны будутъ поступить всѣ войска махшевскаго отряда; но слухамъ этимъ какъ-то плохо вѣрилось, тѣмъ болѣе, что получено было распоряженіе о занятіи огородовъ въ станицѣ Махшевской. Всѣ принялись устраниваться какъ бы на постоянное жительство: 6-й линейный баталіонъ началъ сооружать въ одномъ углу станицы офицерскіе дома; въ другомъ углу станицы вытягивалась артилерійская конюшня. Вообще поразительна быстрота, съ какой офицеры строили себѣ дома: не успѣютъ бывало объявить, что такая-то часть будетъ зимовать тамъ-то — и дома начинали расти какъ грибы (*).

отвлеченія къ зимовкѣ шли очень успѣшно. Частные дома, землянки и казенныя помѣщенія для складовъ уже приходили къ концу. Людей, окончившихъ казенныя постройки, стали отпускать на вольныя работы—строить дома переселенцамъ. Вездѣ начали показываться рубленныя хаты, мазанки, землянки, изгороди и пр., и пустынное мѣсто стало принимать видъ живаго. Но предположеніе домостроителей пожить осѣдло хотя до зимы не увѣнчалось ожидаемымъ результатомъ. 10-го мая войска, составлявшія махшевскій отрядъ, получили приказаніе выступить въ Майкопъ. Это распоряженіе какъ гро-

(*). Впрочемъ, этою способностію не отличались офицеры артилеріи.

момъ поразило 6-й линейный баталіонъ, успѣвшій почти устроиться. Дѣлать было нечего: пришлось за безцѣнокъ продавать построенные дома и вывозить нѣкоторые офицерскія семейства. Между тѣмъ, послѣдовало слѣдующее распоряженіе: три роты ставропольскаго резервнаго баталіона были оставлены въ станицѣ Махашевской, а двѣ остальные роты во вновь выстроенной станицѣ Псефирской; всѣ же остальные части были двинуты въ Майкопъ. Слухи оказались вѣрными: формировался пшехскій отрядъ, и всѣ войска, долженствовавшія составить его, сошлись къ 25-му мая.

Назначеніемъ этого отряда было вторженіе въ долину Пшехи; но двинуться туда, оставивъ новыя поселенія по Бѣлой почти безъ войскъ и не предпринявъ чего-либо рѣшительнаго для обезпеченія береговъ Бѣлой, было бы крайне неразсчитливо. Урокъ, данный горцами во время сбора войскъ у Ханскаго брода, показалъ, что горцы, изъявившіе покорность сегодня, завтра легко могутъ сдѣлаться нашими врагами. Примѣръ — нападеніе на апшеронскій баталіонъ, въ которомъ участвовали всѣ мирные горцы, поселенные близъ мѣста происшествія. Поэтому графъ Евдокимовъ, не внимая мольбамъ горцевъ, чтобъ ихъ оставили на своихъ мѣстахъ, велѣлъ всѣмъ изъявившимъ покорность немедленно переселиться на Лабу, такъ что, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, двѣ линіи станицъ и постовъ могли быть недолимыми оплотами, преграждавшими путь въ горы.

Съ цѣлію отдалить немирные аулы отъ нашихъ новыхъ станицъ и постовъ, 27-го мая, генералъ-маіоръ Тихоцкій, съ частію войскъ, двинулся къ станицѣ Егерухаевской и, перейдя тамъ на лѣвый берегъ Бѣлой, поднялся на возвышенность, отдѣляющую Майкопское ущелье отъ долины рѣки Курджупса. Спустившись въ нее, онъ направился вверхъ по рѣкѣ, уничтожая всѣ аулы, тянувшіеся по ея берегамъ. Движеніе это не только обезпечивало постройку новыхъ станицъ по рѣкѣ Бѣлой, но и приготовило отчасти мѣсто будущимъ поселеніямъ по рѣкѣ Курджупсу.

А. ВВЕДЕНСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)